

ластика стала известной Державину? Изучая переводы Г. Р. Державина из Пиндара, Б. И. Коплан справедливо заметил: «Державин не знал греческого языка. Это обстоятельство препятствовало его непосредственному общению с любимыми греческими поэтами. В письме к А. Ф. Негри от 26 августа 1815 г. Державин высказал свое страстное желание, к его великому сожалению не осуществившееся, „уметь по-гречески, дабы собирать сладость с греческих писателей“ (Соч. Державина, т. VI, стр. 323). Но довольно хорошее знание немецкого языка, полученное им в детстве, дало ему возможность пользоваться немецким переводом с греческого оригинала. Кроме того, на помощь ему являлись подстрочные переводы с греческого на русский язык, знавшие классические языки».¹⁴ Приведенные соображения заставили Б. И. Коплана согласиться с мнением Я. К. Грота, что при передаче од Пиндара Державин пользовался переложениями их на немецкий язык, выполненными Ф. Гедике.

Очевидно, что эпиграмма Мариана Схоластика дошла до Державина аналогичным путем. Все перечисленные выше (на основании подборки в статье Хаттона) переводы и подражания этой эпиграмме Державину не могли быть известны: до второстепенных писателей Западной Европы второй половины XVI в. (в том числе и немецких) эрудиция Державина не доходила; равным образом в данном случае его ученые друзья едва ли могли быть его помощниками или интерпретаторами греческой антологии в оригинале; ею заинтересовались в России на два десятилетия позже. Посредником оказались для Державина переводы греческих эпиграмм, сделанные Гердером. Стоит попутно отметить, что именно из сочинений Гердера В. Хертцберг получил первый импульс для поисков греческого источника двух сонетов Шекспира и что в результате это привело исследователя к отысканию эпиграммы Мариана Схоластика в «Палатинской Антологии».¹⁵

В известной брошюре «О греческой антологии» (СПб., 1820), написанной К. Н. Батюшковым совместно с С. С. Уваровым, с которой началась у нас популярность античной «эпиграмматической» поэзии, между прочим сказано: «Не мы одни, русские, мало занимались Антологиею. В Германии, в сей колыбели филологии, прежде Гердера никто не помышлял о красотах и до-

¹⁴ Коплан Б. И. Переводы Г. Р. Державина из Пиндара. — В кн.: *Sertum Biblioticum* в честь... проф. А. И. Маленна. Пб., 1922, с. 155—156.

¹⁵ В. Хертцберг (*Hertzberg W. Eine griechische Quelle zu Shakespeare's Sonetten*, S. 158) указал на сочинение Гердера «*Ideen zur Geschichte und Kritik der bildenen Künste*», в котором его внимание обратило на себя место, где Гердер восклицает: «Что может быть прелестнее спящего ребенка? Искусство и эпиграмма также очень восхищались дремлющим Амуром». В последующих строках Гердер, основываясь на античной эпиграмматической традиции, говорит, что, по мнению древних, не стоило доверяться Амуру, даже находившемуся во сне: «Его факел погрузит в источник, чтобы он погас, а факел разгорится и в воде и превратит источник в купальню любви». Прочтя это место у Гердера,